

Иоанн Кронштадтский

**О душепагубном еретичестве
графа Л.Н. Толстого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К83

К83 **Кронштадтский И.**
О душепагубном еретичестве графа Л.Н. Толстого / Иоанн Кронштадтский –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 50 с.

ISBN 978-5-519-87209-6

ISBN 978-5-519-87209-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго— въ обличеніе душепагубнаго еретичества Льва Толстого.

Вмѣсто предисловія (изъ письма въ редакцію).

На-дняхъ я получилъ анонимное письмо отъ одного толстовца, въ коемъ онъ бранитъ меня за то, что я написалъ слабое опроверженіе толстовскихъ бредней, что я—пигмей, выступаю противъ колосса—Толстого и, имѣя только одинъ талантъ хочу бороться на бумагѣ съ имѣющимъ десять талантовъ (Толстымъ)... Чтобы не оставаться предъ Толстымъ и его поклонникомъ въ долгу и отвѣтить обоимъ „сильнѣе“ я, рѣшился и еще кое-что напечатать, — вѣдь правда сильна и—защитить ее легко противъ борющихся съ нею, хотя бы и „колоссовъ“—толстовцы вѣдь воображаютъ себя колоссами—впрочемъ, не въ обиду будь мѣ сказано,—на глиняныхъ ногахъ... И то правда, что Толстой — колоссъ, но въ своей сферѣ, въ области литературы романической и драматической,—а въ области религіозной онъ —настоящій пигмей, ничего несмыслящій. И если я и еще скажу въ обличеніе Толстого его товарищей, прошу ихъ не прогнѣваться за гоую и рѣзкую правду. Я не хотѣлъ болѣе отвѣчать а безумные глаголы Толстого, но если меня рѣзко вызываютъ на это, то, по долгу предъ Истиной и

Церковью, отвѣчаю, отдавая въ печать выдержки изъ моего дневника, заключающія мои мысли и чувства по поводу душегубнаго *Толстовскаго* еретичества.

Нынѣшнее время есть время борьбы съ грѣхомъ, съ плотію страшною, міромъ, во злѣ лежащемъ, и діаволомъ, виновникомъ грѣха, время обученія всякой добродѣтели: вниманію себѣ, трезвенію, самоотверженію, бодрствованію, воздержанію, крѣпости, смиренію, незлобію, послушанію, цѣломудрію, снисхожденію къ ближнимъ, милосердію; — теперь не время покоиться и предаваться удовольствіямъ, ибо лукавые, злѣйшіе и хитрые враги наши — не усыпаютъ ни на минуту, и супостатъ нашъ—діаволъ, какъ рыкающій левъ, ищетъ кого поглотить (I Петр. 5, 8). Эту истину надо внушать всѣмъ христіанамъ всякаго званія, чина, пола и возраста, особенно учащемуся въ разныхъ заведеніяхъ юношеству. „Бдите и молитесь, да не видите въ напасть“, говорилъ Господь Своимъ ученикамъ, и намъ тоже Онъ говоритъ (Мѣ. 26, 14). А мы что дѣлаемъ? Дремлемъ и спимъ. „Спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ его и всѣя плевелы посреди пшеницы и отъиде“ (Мѣ. 13, 25). Вотъ и Толстой усердно сѣетъ на нивѣ христіанскихъ сердецъ свое плевельное ученіе.

* . *

Завѣтъ Божій отвергли о себѣ толстовцы, а также другіе еретики, раскольники, сектанты, всѣ нечестиво живущіе христіане. Какой завѣтъ Божій? Завѣтъ о спасеніи человѣческаго рода воплощеніемъ, крестомъ и смертію Сына Божія, завѣтъ о крещеніи всякаго человѣка для спасенія; завѣтъ о нуждѣ покаянія,

причащенія Св. Таинъ, принадлежности къ единой Св. Соборной и Апостольской Церкви, завѣтъ о совершителяхъ таинствъ христіанскихъ—пастыряхъ.— Всѣ пьяницы, прелюбодѣи, сребролюбцы, нераскаянные отвергаютъ завѣтъ Божій о себѣ и погибаютъ. Слезы у меня исторгли эти мысли!...

* * *

Писатели міра сего, несвѣдующіе нимало въ вещахъ Божественныхъ,—пріидите съ довѣріемъ и научитесь у насъ духовныхъ учителей. Но вы не пойдете вы съ презрѣніемъ оттолкнете насъ, вы не можете быть намъ преданы, ибо мы преподаемъ ученіе „не отъ міра сего“, не отъ вашей мудрости.

* * *

„Къ кому идемъ?“ спрашиваетъ себя Петръ съ прочими Апостолами. „Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной (Іоан. 6, 68). Се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебѣ идехомъ—что же будетъ намъ?“ — (Мѡ. 19, 27). Господь обѣщаль имъ паки-бытіе и вѣчную славу и власть судить всѣ племена Израилевы (Мѡ. 19, 28). Толстовцы! куда же вы идете съ графомъ Толстымъ, своимъ учителемъ? Есть ли у него слова жизни? Не слова-ли безумія, невѣрія, хуленія, проклятія и смерти? Что же вамъ будетъ въ концѣ концовъ? Вѣчное проклятіе и гибель! Толстой въ своихъ дерзкихъ писаніяхъ мечтаетъ поразить христіанство и христіанъ, свести къ ничтожеству своимъ дерзкимъ отрицаніемъ и насмѣшками — содержимое вотъ уже почти XX вѣковъ св. вселенскою церковью христіанство, которое прославлено отъ Бога вѣчною неувядаемою славою, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но онъ самъ себя

бьетъ смертельно и своихъ послѣдователей, ибо лишилъ себя и ихъ свѣта и благодати Божіей, примиренія съ Богомъ и благоволенія Его и подвергаетъ проклятію Божію и себя и ихъ; ибо, по отверженіи Спасителя, еретикамъ этимъ не остается болѣе жертвы за грѣхъ, но нѣкое страшное чаяніе суда и ревность огня, хотящаго поглотить противниковъ (Евр. 10, 27). Думаютъ ли объ этомъ разгорѣвшіеся толстовцы)?— „Мнѣ отмщеніе“, — говоритъ Господь, „Я воздамъ“ (Римл. 12, 19).

О, Христе Боже, доколѣ Левъ Толстой будетъ ругаться надъ Тобою и Церковью Твоею? Доколѣ будетъ соблазнять Россію и Европу? Опять онъ пишетъ хулы на Церковь и служителей ея, опять клевететъ на насъ всему міру! — Покажи, наконецъ, Владыко, всему міру адскую злобу его! Буди! Имъ увлечено въ прелесть и пагубу полъ-свѣта.—О, предтеча антихриста!

* * *

Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Львѣ Толстомъ? А я вотъ что думаю и говорю: онъ объявилъ войну церкви православной и всему христіанству. И какъ денница и сатана отторгнулъ своимъ хребтомъ третью часть звѣздъ небесныхъ, т. е. ангеловъ, и сдѣлалъ ихъ единомышленниками съ собою, такъ нашъ Левъ, сынъ противленія, носящій въ себѣ духъ его, своимъ „рыканіемъ и хвостомъ“ (Откр. 12, 4) отторгъ тоже едва-ли не третью часть русской интеллигенціи, особенно изъ юношества, въ слѣдъ себя, въ слѣдъ своего безбожнаго ученія, своего безвѣрія.—Его безбожныя печатныя сочиненія свидѣтельствуютъ о томъ.

Развѣ собирають съ терновника виноградъ и съ тернія смоквы? По плодамъ ихъ познаете ихъ, говоритъ Господь (Лук. 6, 44). Терновникъ Россіи и всего христіанскаго міра есть русскій графъ Толстой, бывшій раманистъ, а потомъ самозванецъ богословъ, ни мало не смыслящій въ богословіи, нарядившійся въ одежду мужика, чтобы вдоволь насмѣяться надъ вѣрою его и Россіи и удобнѣе привлечь русскаго или иностранца недалновиднаго на свою сторону, къ образу своихъ мыслей и удобнѣе излить свой еретическій ядъ въ души ихъ.

Есть ли какой отецъ, говоритъ Господь, въ примѣръ, который, когда сынъ его попроситъ рыбы, подалъ бы ему скорпію (Мѣ. 7, 9)—Толстой именно это и дѣлаетъ. Онъ подноситъ змѣю вмѣсто рыбы и своему семейству, и всей Россіи, и христіанамъ всѣхъ странъ и языковъ. Онъ хочетъ вырвать у всѣхъ вѣру въ Спасителя, вѣру въ Троицу, въ церковь и во и во всѣ спасительныя истины, въ которыя вѣровать научила насъ св. церковь, и безъ которыхъ невозможно жить ни одному здравомыслящему, челоуѣку.

Такъ, по выпущенной Львомъ Толстымъ (въ Лондонѣ) въ началѣ ноября 1902 г. безбожной статьѣ, озаглавленной: „Обращеніе къ духовенству“, видѣнъ истый русскій романистъ, способный писать только романы съ мѣткимъ анализомъ обыденной людской жизни и страстей челоуѣческихъ; но въ то же время до мозга костей пропитанный самомнѣніемъ и гордостью, барской спесью и ненавистію ко всему, что носитъ печать вѣры во Христа и въ церковь, съ діавольскою злобою къ духовенству. Все сочиненіе состоитъ изъ предвзятыхъ ложныхъ мнѣній о духо-

венствѣ и его дѣятельности. Толстой хочетъ разрушить вѣру во все святое, таинственное, въ то, чѣмъ человѣкъ живетъ, спасается, утѣшается, укрѣпляется духомъ и тѣломъ; все, что носитъ печать истины непреложной:—вѣру въ Бога Троичнаго, въ сотвореніе міра, въ искупленіе человѣчества Сыномъ Божіимъ, все это отвергаетъ, какъ сказку, подвергаетъ осмѣянію и хочетъ всѣ христіанскіе догматы переизначить по своему, вѣрить только въ свой умъ, себѣ одному приписываетъ открытіе истины и себя только признаетъ истиннымъ учителемъ. Но, увѣ, всѣ положенія у него ложны, а потому ложны и всѣ заключенія!

* * *

Толстой думаетъ, говоритъ и пишетъ на почвѣ безбожія и полнаго отрицанія всего того святого, что носитъ въ себѣ печать богооткровенности; гордость, самомнѣніе, самообожаніе, презрѣніе къ Самому Богу и церкви,—вотъ его первооснова; другого основанія у него нѣтъ. Предъ нами—софистъ, и несвѣдущихъ въ истинахъ вѣры, не испытавшихъ на себѣ спасительности вѣры Христовой легко можетъ онъ отвлечь отъ истинной вѣры и ввести въ пагубное невѣріе. Въ оклеветаніи церкви Толстой хочетъ найти себѣ самооправданіе, похвалу, какъ истаго героя правды,—и хочетъ всѣхъ отвлечь отъ церкви, какъ сатана отторгъ отъ Бога треть ангеловъ. Прежде чѣмъ писать опроверженіе на это сочиненіе Толстого, нужно знать (проанализировать) то состояніе души Толстого, въ которомъ онъ пишетъ свою завѣдомую ложь, которой онъ усиливается придать видъ истины.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ отлученія отъ церкви

онъ рѣшился забросать ее, сколько можно, грязью, и все священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, все богослуженіе, всѣ таинства и особенно духовенство всѣхъ церквей. Толстой, исказивъ смыслъ Евангелія, исказилъ смыслъ Ветхаго Завѣта и искаженные событія передаетъ въ насмѣшливомъ тонѣ, подрывая въ читающихъ всякое уваженіе къ святому писанію; надъ всѣмъ, что дорого для христіанина, на что онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства съ глубокимъ благоговѣніемъ и любовію, какъ на слово Божіе, онъ дерзко насмѣхается.

Толстой переноситъ свои поруганія на духовенство, на церковь, на св. Писаніе В. и Н. завѣта и на Самого Господа, и говоритъ; была-ли такая вредная книга въ мірѣ, надѣлавшая столько зла, какъ книга В. и Н. завѣтовъ... Это прямо относится къ толстовскимъ сочиненіямъ, не было вреднѣе ихъ: Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры,—ничто въ сравненіи съ нашимъ безбожнымъ россіяниномъ Толстымъ. Написанное Толстымъ въ „Обращеніе“—съ точки зрѣнія христіанской—одно безуміе.

* * *

Можно-ли говорить съ человѣкомъ умопомѣшаннымъ, потерявшимъ здравый смыслъ, здравую вѣру, отрицающимъ общепризнанную живую и животворную истину, отрицающимъ, что А есть А, или—дважды два четыре, не признающимъ Альфы и Омеги,—съ человѣкомъ, признающимъ разумъ человѣческій отуманенный и извращенный грѣхомъ, за исходную точку вѣры и познанія? Невозможно! Таковъ именно и есть графъ Левъ Толстой, отвергающій откровенное Слово Божіе—Библию и Евангеліе, и свой близорукій извращенный разумъ ставящій исходною точкою всѣхъ

знаній, вышшимъ Библии и Евангелія, Библию и Евангеліе считающій за сказку, какъ и житія святыхъ.

Толстой въ области религіи показывалъ всю свою умственную тупость, все свое пресмыкательство по землѣ, всю умственную мелочность, немогущую подняться ни мало на высоту религіознаго созерцанія. „Аще не увѣруете, ниже имате разумѣти“, говоритъ Господь. Толстой, отвергнувшій вѣру въ откровеніе, въ Бога, дѣйствительно, лишился возможности разумѣть дѣла Божіей премудрости.

Какъ могъ Левъ Толстой написать свое послѣднее грязное сочиненіе противъ истинной, святой, апостольской, спасительной, богопрославленной неисчетными знаменіями и чудесами, и доселѣ прославляемой отъ Него церкви? Да,—могъ, но только при совершенной потерѣ христіанской совѣсти.

Въ сочиненіи Толстого „Обращеніе къ духовенству“—все ложь и клевета беззащѣтная, наглая, и изъ основныхъ ложныхъ положеній, какъ я уже говорилъ, выводятся у него ложныя заключенія; словомъ, въ сочиненіи Толстого истина извращена, высочайшіе догматы, непререкаемые, спасительные представлены въ тонѣ насмѣшливомъ, ироническомъ; Толстой не вѣритъ въ истины, открытыя Самимъ Богомъ и необходимыя для спасенія всякаго человѣка, а вѣритъ только въ человѣческій разумъ и въ совершенствованіе человѣка собственными силами, безъ благодати Божіей.

* * *

Надобно, чтобы всякій, даже не вѣрующій въ Христа и Св. Троицу и въ таинства христіанской вѣры, обращался съ лицами и предметами вѣры

честно, потому что вѣра есть сердечное, драгоцѣнное сокровище безчисленнаго множества людей всякаго языка, націй, всякаго званія и состоянія, а не по свински, какъ Левъ Толстой, и кто изъ христіанъ равнодушно относится къ тому, кто хулитъ Христа, или св. Троицу, искренно почитаемую избранными людьми всѣхъ вѣковъ, всякихъ націй, званія и состоянія,—тотъ недостойнъ званія человѣка, а таковъ именно Толстой и толстовцы, обращающіеся съ неоцѣненнымъ, дражайшимъ Именемъ Господа Іисуса Христа, Св. Троицѣ, Богоматери, и съ досточтимыми ихъ изображеніями и всѣхъ святыхъ. Скажетъ кто-нибудь, что печатно ругать человѣка, которому дана свобода слова и печати и который пишетъ и печатаетъ, что придетъ ему на умъ, неприлично и не слѣдуетъ. А я спрошу и Толстого и его клеветовъ: поносить высочайшія Имена Троицы, Христа Богородицы и Святыхъ, Св. Чудотворныя иконы и мощи и соблазнять народъ православный и не православный,—по вашему можно? Да, какому бы наказанію по закону долженъ подлежать и богохульный языкъ Толстого и его рука, пишущая богохульные словеса? По описанію: кто чѣмъ согрѣшаетъ, тотъ тѣмъ и мучится. Толстой же безнаказано богохульствуетъ, да еще и чтится, какъ старецъ знаменитый, какъ великій писатель, какъ родовитый графъ, и Львомъ Николаевичемъ зовется; какой онъ Левъ Николаевичъ? Онъ имени христіанскаго не стоитъ. Потерпѣли бы еврей, искренно вѣрующій въ Іегову, того, кто сталъ бы въ слухъ его относиться недостойно къ этому Св. Имени; или магометанинъ—того, кто въ слухъ его сталъ бы поносить Магомета, хотя Магометъ и не то, чѣмъ и кѣмъ его почитаютъ?

А Толстой невозбранно поносить христіанскую вѣру и ея истинное святое и спасительное ученіе, и ея святыя и животворящія таинства; о, злодѣйство, достойное казни (ап. Іуд. 7—8)! Іудейскіе и римскіе законы казнили богохульниковъ и потому евреи кричали Пилату: „по закону нашему Христосъ долженъ умереть. Онъ Себѣ Сына Божія сотвори“. (Іоан. 19, 7) (хотя Онъ и дѣйствительно Сынъ Божій), а Толстой предъ всѣмъ русскимъ народомъ и предъ всей христіанской Европой хулитъ Христа, Который открылся Сыномъ Божиимъ въ силѣ, по духу Святыни, отъ воскресенія изъ мертвыхъ; вѣровался въ мірѣ, оправдался въ духѣ, проповѣдался въ мірѣ, вознесся во славу (I Тимѣ. 3, 16).

„Устами твоими буду судить тебя, лукавый рабъ“ говоритъ Господь въ Евангеліи (Лук. 19, 22), и я скажу: отрицаніями твоими отрину тебя, Левъ Толстой, и хулы твои обращаю на тебя.

* * *

Толстой извратилъ весь смыслъ христіанства все понялъ на изнанку, ибо все можно лукавому уму и сердцу человѣческому извращать, называть свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, сладкое горькимъ и горькое сладкимъ; прекрасное безобразнымъ—и наоборотъ по подобію древнихъ софистовъ; Толстой отвергаетъ весь Символь Вѣры, не вѣритъ ни въ Троицу, ни въ воплощеніе, ни въ чудеса Христовы, ни въ искупительныя страданія Его, ни въ воскресеніе, ни въ вознесеніе на небо, ни во второе пришествіе Христово, ни въ будущій судъ, ни въ церковь, ни въ крещеніе, ни въ воскресеніе мертвыхъ, ни въ жизнь будущую. Хочетъ, чтобы люди не вѣрили Слову Божію, а въ